

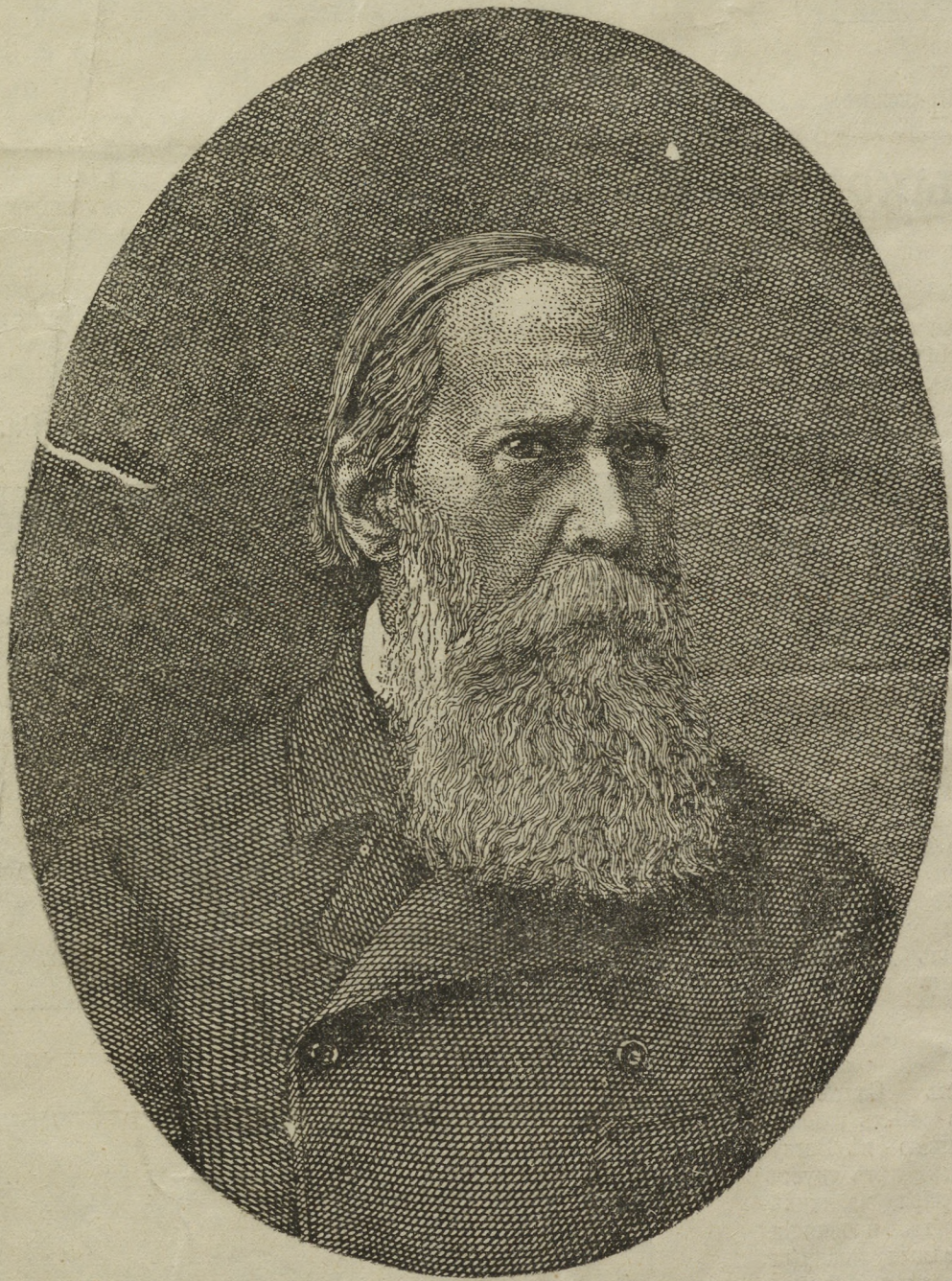
УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 18-й.

Пятница, 9-го Мая 1914 г.

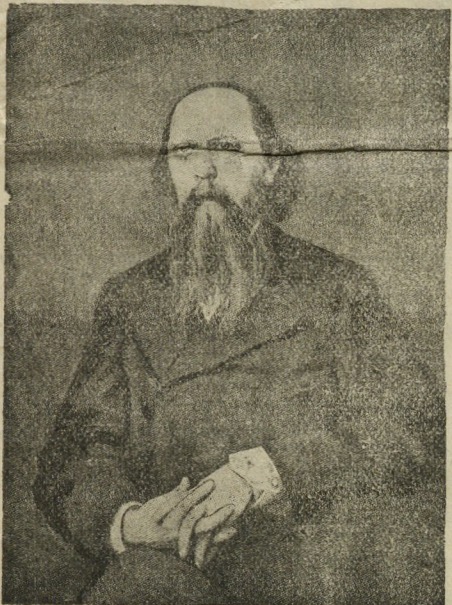
№ 18-й.

Къ 25-лѣтію со дня смерти.

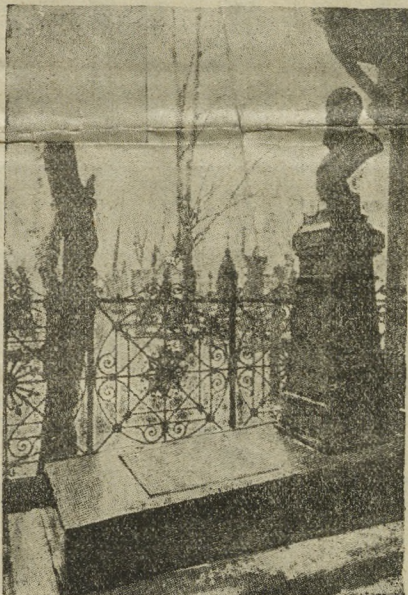

М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.

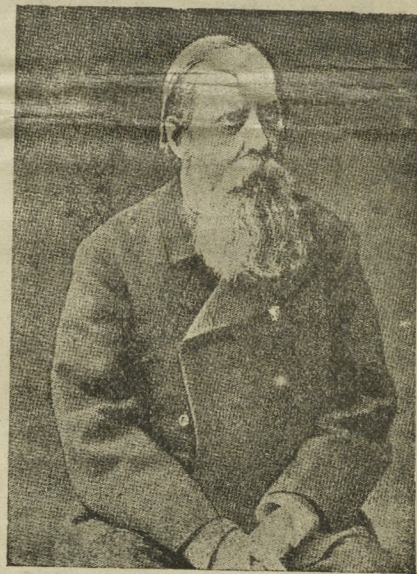
Къ 25-лѣтію со дня смерти М. Е. Салтыкова.

М. Е. Салтыковъ.
(Съ портрета Н. И. Крамского).

Могила М. Е. Салтыкова.

М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).
(Послѣдній портретъ).

М. Е. Салтыковъ.

(Къ 25-лѣтію со дня смерти 28 апрѣля 1889 года).

Четверть вѣка, протекшая со дня смерти великаго русскаго сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова (Щедрина), конечно, во многомъ измѣнила нашу общественную жизнь; многіе вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ билась люди того времени, въ какое жить и работать писатель, теперь уже потеряли свою остроту, отошли на задній планъ или совсѣмъ упразднились, а ихъ место замѣнили новые, столь же важные и серьезные; факты и явленія повседневной жизни, ея досадныя „мелочи“, въ мозаикѣ которой дающія общій фонъ эпохи, теперь уже въ большей части другіе, нежели въ дни Щедрина.

„Все течетъ“, говорилъ древній философъ. Така времени уносятъ въ море забвенія вмѣстѣ съ истѣвшими годами и длинный рядъ именъ, когда-то популярныхъ и извѣстныхъ. Произошло ли это и съ именемъ М. Е. Салтыкова? Имѣютъ ли значеніе его произведенія и теперь, послѣ смерти ихъ творца, или же, прочитанныя умершей злободневностью, они важны лишь для историко-литературны? Чтобы отвѣтить на поставленные вопросы, бросимъ взглядъ на литературно-идейное наслѣдство, оставленное покойнымъ писателемъ.

Литературная дѣятельность Салтыкова началась во второй пол винѣ 40-хъ годовъ, когда была прервана ссылкой въ Вятку. Новилась только восемь лѣтъ спустя отъ того время, когда всходила заря великихъ реформъ. Жизнь и служба въ провинціи раскрыли предъ писателемъ самыя мрачныя стороны русскаго дѣйствительности. Плодомъ тяжкаго опыта явились „Губернскіе очерки“, свершившіе дѣло, начатое „Ревизоромъ“ и „Мертвыми душами“, — они показали во всей неприглядности дореформенную администрацію, тогдашній судъ. Обличительная тенденція здѣсь нигдѣ не бьетъ черезъ край, нигдѣ не впадаетъ въ карриатуру: герои „Губернскихъ очерковъ“ не олицетворенія пороковъ и взяточничества, но живые люди.

Кратковременная эпоха „великихъ реформъ“, общественнаго подъема, постепенно смѣнилась реакціей, враждебнымъ натискомъ темныхъ силъ, и сатирической талантъ Сал-

тыкова проявился во всѣй оригинальности и силѣ. За „Невинными разсказами“, „Сатирами въ прозѣ“, „Признаками времени“, „Письмами изъ провинціи“, составляющими какъ бы продолженіе „Губернскихъ очерковъ“, слѣдуетъ „Исторія одного города“, блестящій образецъ оригинальнаго литературнаго рода: исторической сатиры. Въ „Господахъ Ташкентцахъ“ и „Омпадурахъ и

Помпадуршахъ“ Салтыковъ подводитъ итогъ картинамъ провинціальной Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ широко раздвигаетъ границы своего творчества. Здѣсь, какъ и въ „Дневникѣ провинціала“, какъ и въ „Благонамѣренныхъ рѣчахъ“ на сцену выступаютъ самыя жгучіе вопросы текущей жизни. Салтыковъ воцаряется и новыхъ учрежденій, разъ они кажутся измѣняющими своему призванію. Въ

Иллюстраціи къ произведеніямъ М. Е. Салтыкова-Щедрина.

„На досугъ“. („Въ средѣ умѣренности и аккуратности“).

„Господа Молчалины“. (Въ средѣ умѣренности и аккуратности“).
Балалайкинь. Молчалинь.

бичуетъ земство, если оно погрязаетъ въ мелочахъ,—адвокатуру, если она гоняется за наживой,—печать, если она добровольно суживаетъ свои задачи. Въ то же время, въ концѣ 70-хъ годовъ, Салтыковъ уже замѣтилъ процессъ экономического паденія господствующаго въ предыдущую эпоху класса земледѣльцевъ—помѣщиковъ и нарожденіе смѣняющей ихъ мелкой буржуазіи, пришествіе „чумазаго“, и отразилъ въ своихъ произведенияхъ эту общественную эволюцію подъ сатирическимъ угломъ зрѣнія („Господа Головлевы“, „Въ средѣ умеренности и аккуратности“, „Убѣжище Монрепо“ и т. д.).

Въ 80-е годы въ безпросвѣтную ночь русской жизни, годы злѣйшей реакціи, сатирикъ старался охранить отъ окончательнаго пренебреженія старыя „забытыя“ слова, которымъ отдалъ на служеніе всю жизнь. („За рубежомъ“, „Письма къ тетенькѣ“, „Современная идиллія“, „Пестрыя письма и т. д.). За нѣсколько дней до смерти имъ была дописана „Пошехонская старина“,—поразительная картина крѣпостного быта, развращающаго въ одинаковой мѣрѣ и господъ и подвластныхъ.

Съ именемъ Салтыкова привыкли соединять только представленіе о сатирикѣ: на самомъ дѣлѣ онъ былъ въ то же время и поэтомъ.

Многія его страницы—по истинѣ стихотворенія въ прозѣ, одинаково поэтичныя и по формѣ и по содержанію. „Премудрый пискарь“, „Бѣдный волкъ“, „Коняга“—кто читалъ безъ волненія эти чудныя, вдохновенныя страницы, проникнутыя глубокой мыслью? „Для всѣхъ поле—раздолье, поэзія, просторъ; для Коняги ово—Кабала. Поле давить его, отнимаетъ у него послѣднія силы и все таки не признаетъ себя сытымъ... Для всѣхъ прарода—мать, для одного Коняги она—бичъ и исгнание. Всякое проявленіе ея жизни отзывается на немъ мучительствомъ, всякое цвѣтеніе отравой... Нѣтъ конца работѣ! Работою исчерпывается весь смыслъ существованія“..

Въ „Господахъ Головлевыхъ“ къ лиризму, которымъ такъ богаты „сказки“, присоединяется другая сторона художественнаго творчества: созданіе характеровъ, возвышающихся на степень типовъ. Имя Гудушки, этого своеобразнаго лицемѣра, вскормленнаго „выморочной“ семьей и крѣпостной Россіей—давно уже сдѣлалось нарицательнымъ, какъ новаго Тартюфа.

Въ огромномъ наслѣдствѣ, оставленномъ Салтыковымъ, найдутся, конечно, стдѣльные части, обреченныя на забвеніе; но этимъ не уменьшается цѣнность вклада, сдѣланнаго имъ въ сокровищницу русской литературы. Сюда относится все, что бросаетъ свѣтъ на психологію личности и толпы, а не приуро-

Хрептюгинъ и его семейство.

чено къ безстѣдно исчезнувшей обстановкѣ.

Велико значеніе Салтыкова, какъ историка русскаго общества, но еще больше какъ художника, создавшаго фигуры Головлевыхъ, Дерунова, Разумова и др. Мѣсто его среди самыхъ крупныхъ писателей XIX вѣка, пер живущихъ завистливую дымку многихъ еще десятилѣтій.

С. В.

Княжна Анна Львовна („Губернскіе очерки“).

Озорникъ. (Разсказъ „Юродивые“ изъ „Губернскихъ очерковъ“).

„Т Ъ Н И“

М. Е. Салтыкова-Щедрина.

На сценѣ Маринскаго театра.

Немного, кажется прошло лѣтъ, какъ умеръ нашъ незабвенный сатирикъ, а между тѣмъ, много воды утекло съ тѣхъ поръ, много новаго вшло въ русскую жизнь. Общественно-вѣковые устои, на которыхъ строили свое благополучіе обыватели „Города Глухова“,—мало помалу теряютъ свою крѣпость и уступаютъ требованіямъ новаго времени.

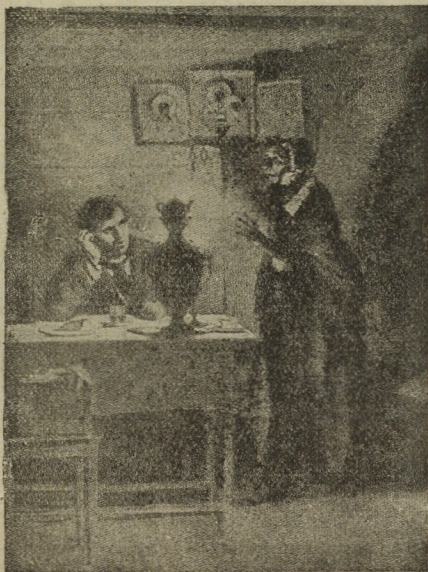
Тѣмъ не менѣе, и въ наши дни наблюдаются теченія, достойныя сатиры Щедрина: совершаются явленія, и теперь еще вызывающія боль и слезы у человека, въ душѣ котораго не померкли чистые идеалы. Все это видимо, и оправдываетъ тотъ широкій интересъ, который пробудился въ русскомъ обществѣ къ памяти Салтыкова, разнообразно отмѣченъ въ связи съ исполненнымъ 25-лѣтіемъ со дня его смерти.

Петербургское городское самоуправленіе почтило память покойнаго отслуживъ панихиду на его могилѣ, на Волковомъ кладбищѣ, къ дому, гдѣ онъ жилъ и умеръ, прибита памятная мраморная доска.

Литературный фондъ ознаменовалъ этотъ день постановкой спектакля въ Императорскомъ Маринскомъ театрѣ. Спектакль состоялся 26-го апрѣля и была поставлена ново-

Корепановъ („Губернскіе очерки“).

Г-жа Музовкина („Губернскіе очерки“).

открытая пьеса нашего сатирика „Тѣни“ и еценка „Недовольные“. Нечего говорить, какой интересъ возбудилъ этотъ спектакль. Прежде всего слѣдуетъ стмѣтить, что на судъ общества была извлечена изъ частнаго архива пьеса, никому неизвѣстная и явившаяся такимъ образомъ „новинкой“. Затѣмъ достойно вниманія то, что въ обихъ пьесахъ участвовали лучшія силы Императорскаго Александринскаго театра во главѣ съ артистами В. Н. Давыдовымъ, К. А. Варламовымъ и другими. Естественно, что спектакль привлекъ массу публики, среди которой преобладали профессора, ученые, литераторы, художники и артисты. До начала спектакля, въ корридорахъ, въ партерѣ, въ ложахъ— всюду группы, оживленные лица, видно, что всѣхъ и каждого интересуетъ одно—предсто- ящее представленіе пьесы, авторъ которой однимъ былъ извѣстенъ лично, а для другихъ по его многочисленнымъ произведеніямъ.

Но, вотъ, начался спектакль. и съ пер- ваго же слова, раздавагося со сцены, въ театрѣ водворилась мертвая тишина; во мра- кѣ зала чувствовалось, что царитъ благо- вѣйное вниманіе. Да и какъ было не сосре- доточиться, когда послышалась знакомая Щед- ринская рѣчь, въ передачѣ прекрасныхъ артистовъ. Пьеса переноситъ зрителя въ ко- нецъ 50-хъ годовъ прошлаго столѣт'я, въ эпоху борьбы дореформеннаго чиновничества со смутными новыми теченіями нашей общ- ственности наканунѣ великихъ реформъ. Ав- торъ въ этотъ періодъ своего литературнаго творчества былъ уже извѣстенъ по „Губерн- скимъ очеркамъ“, поэтому и „Тѣни“ были написаны въ духѣ сатиры, въ которой карье- ризмъ и личное благополучіе считались выше общественныхъ задачъ. Рядъ типовъ, какъ Клаверовъ, Набойкинъ, Свистиковъ, откуп- щикъ Обяжновъ, молодой князь Тартаковъ и другіе персонажи, включая и женщинъ, составляютъ одну общую картину не людей въ общечеловѣческомъ значеніи слова, а „тѣ- ней“, ибо какъ иначе и назвать всю эту группу лицъ, среди которыхъ „эмансипація“, „долгъ“, „прогрессъ“, и имъ подобныя слова совершенно не зн комыя понятія. Живутъ эти люди, обдѣлываютъ свои дѣлишки и вѣтъ имъ дѣла ни до „особыхъ мнѣній“, ни до задачъ высшаго порядка; у нихъ своя система, одинъ свой путь—устр иться теплѣе.

И въ этомъ омутѣ, въ царствѣ „тѣней“ все становится подъ одинъ ранжиръ, даже женщина Софія Александровна жена чинов- ни а дѣлается игрушкой, на чувствѣ кото- рой строится карьера ея мужа. „Тѣни“ эти производятъ жуткое впечатлѣніе. И надо ра- доваться, что передъ нами не люди, а имен- но тѣни, иначе за челоѣка страшно стало бы.

И исполнители дружно играли. Точно вдох- новенные великою тѣвью сатир ка, они съ самымъ искреннимъ вниманіемъ отвеслись въ его „Тѣнямъ“ и конкретнымъ путемъ познакомили общество съ этимъ „новымъ“ произведеніемъ Щ- дринна.

Спектакль кончился и публика разош- лась, точно съ праздника. Ни нѣкоторыя длинноты діалоговъ, ни техническія несовер- шенства самой пьесы—не охладили повы- шеннаго настроенія: чувствовалось вѣяніе большого таланта, мощь литер турнаго сло- ва, вся красота котсраго въ искренности и правдѣ автора.

Н. Беръ.

Къ прїѣзду Англійскаго короля въ Парижъ

Пуанкарэ, англійская королевская чета и г-жа Пуанкарэ въ ложѣ опернаго театра.

Къ концерту въ Екатеринбургѣ 11 мая.

Артистъ М. С. Курж'ямскій.

ШАРЖИ.

Какъ можно замѣнить райскую птицу комбинаціей изъ... редисокъ.